

Известия, - 1991, - 7 суб., - С. 3

О Марии Мироновой

В ДЕНЬ ЕЕ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

СМЕШНЫЕ героини Марии Владимировны Мироновой приобретали порой очертания почти исполинские, эпические. Роли для нее писали разные авторы, но мионовская интерпретация поднимала их к масштабам гоголевского юмора, к яркости гоголевских дам. «Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиной, но становится вдруг тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свете».

«Сила характера» мионовских сердитых жен, скандальных со-

седок, раздраженных работниц сферы обслуживания часто казалась до отчаяния непреодолимой. Многие из них действительно были тверже «всего, что ни есть на свете».

Например, можно сказать гоголевскими словами, что ее знаменитая неулыбчивая, недовольная всем на свете жена «...была отчасти материалистка, склонная к отрицанию и сомнению, и отвергала весьма многое в жизни».

Гоголевская природа юмора, гиперболичность, одержимость

комического лица пустяковыми заботами — все это присутствовало в игре Мироновой. Ее темперамент приводил к тому, что вздорность, сварливость, тщеславие, претензии ее обязательниц приобретали грозный характер стихийных бедствий. Мелкие страстишки ничтожных женщин становились опасными, как ураган или пожар. Героини Мироновой часто были несносными, и в этой своей несносности становились гомерическими великаншами пошлости, глупости и суетности.

Масштаб и сила сатирического обобщения были таковы, что можно сказать: Миронова создала комический эпос советской обывательщины. Ее миниатюры становились поэмами дурных характеров, невежественных притязаний, idiotских предрассудков. Только по-настоящему интеллигентная актриса могла так презрительно и гневно выразить дремучую неинтеллигентность своих персонажей.

Мария Владимировна Миронова не только талантливая, яркая, подлинно популярная артистка на эстраде. Она большая артистка. Уникальная. Неповторимая. Щедрая, избыточно щедрая одаренность соединялась у нее с настоящей театральной культурой, великолепной школой. Это неудивительно, если вспомнить, что она начинала свою артистическую карьеру во МХАТе-втором.

Почему в конце концов Миронова оказалась на эстраде, а не в театре? Именно в силу уникальности своего дарования. Она сыграла сотни самых различных женских характеров, демонстрируя блестящее мастерство сценического перевоплощения. И вместе с тем искусство Мироновой существенно отличалось от искусства очень многих хороших комедийных актрис. Как писал критик, у нее «особый дар эстрады». Он заключается в том, что при всех своих мгновенных, ошеломляющих разнообразных перевоплощениях актриса ни на секунду не теряет тесной связи со зрителем, все время ведет свой откровенный, доверительный, иногда до дерзости смелый и, главное, уминый, насмешливый, порой даже язвительный разговор со зрительным залом. И в разговоре этом она всегда сохраняла удивительное артистическое и человеческое достоинство, не-

зависимость, я бы сказал, гордую самобытность натуры своейвольной, неуступчивой, яростно убежденной. Ни тени заискивания перед публикой, ни тени рабского желания понравиться, угодить. Свой первый эстрадный монолог «некоей Капы» Миронова сочинила сама. Потом для нее писали многие прекрасные авторы, но их тексты она делала своими: казалось, что они родились тут же, на сцене, на глазах у зрителя.

Гнев живет в самой природе артистического темперамента Мироновой. Но она с особой нежностью играла хороших, добрых, простых женщин, и они удавались ей не меньше, чем свирепо вылепленные стяжательницы и нахалки.

Ее сверкающий, живой, насмешливый ум в соединении с той «наивностью и верой», которые Станиславский считал одним из самых драгоценных актерских качеств, это сочетание насмешливой меткости, если так можно выразиться, «сатирической пронизательности» с простодушием, заразной наивностью, непосредственностью сделали Мионову поистине уникальной актрисой.

Такой второй просто нет. И не было. Как не было и нет второго Аркадия Райкина.

Мне довелось работать с Марией Владимировной. Репетиции с ней и с ее незабвенным, замечательным партнером Александром Семеновичем Менакером были для меня счастливыми.

Драматург Л. Зорин написал для Мироновой и Менакера пьесу и предложил мне поставить ее. Эта пьеса должна была входить в их новую программу. Пьесы Зорина я ставил часто, но эстрадные спектакли — никогда. Мионову и Менакера я видел часто, всегда получал большое удовольствие от их выступлений, но не очень понимал: а что, собственно, должен делать с ними режиссер? Организовать представление, сделать «раму», в которой сверкали бы их юмор, обаяние, редкая сценическая находчивость и такая же редкая «доходчивость», данная им от природы? Им ничего не нужно, думал я, кроме хорошего, смешного текста. Все остальное приходит от их данных, опыта и мастерства.

И все-таки я согласился. Скорее всего из любопытства да еще, не скрою, из тех соображе-

ний, что эта режиссура не казалась мне делом трудным. Свое дело они знают лучше меня, а мое, очевидно, ограничится всего лишь советами, которые, собственно говоря, может сделать любой человек со стороны.

Но не тут-то было.

Серьезность и требовательность их отношения к режиссеру не уступали самым дотошным артистам драматического театра. Миронова смертельно боялась самоповторения, ведь к тому времени она сыграла, наверное, сотни женских характеров. Она жадно искала какие-то новые краски, приспособления. Надо сказать, что она относится к себе весьма критически и долго не верит, что у нее что-то получается.

Не так давно я пошел на спектакль Театра-студии под руководством О. Табакова. Шла пьеса А. Буравского «Учитель русского», в которой играет Мария Владимировна. С некоторым страхом вошел я в маленький зал этого театра — как «поместится» здесь Миронова с ее могучим темпераментом, гиперболической манерой игры? Как войдет она в ансамбль совсем молодых актеров?

Начался спектакль, на крохотную сцену вышла Миронова и оказалась такой же молодой, взволнованной, деликатной, как ее юные партнеры. И как по-матерински бережно, внимательно, профессионально заботливо вела себя Миронова по отношению к ним, как осторожно и художественно дисциплинированно входила в изобретательный режиссерский рисунок Евгения Каменковича! Великая артистка эстрады снова, как в молодости, ушла за «четвертую стену» драматического театра и обнаружилась неисчерпаемые возможности артистической и человеческой тонкости, искренности, скромности.

Все мы знаем о великом горе Марии Владимировны, о ее одиночестве. Как хорошо, что ее позвал этот маленький театр, что она пришла к этим молодым актерам. После всего пережитого, в восемьдесят лет найти в себе силы для душевного и артистического обновления может только человек редкого мужества, способный подлинно жить в искусстве.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

На снимке: во время репетиции спектакля «Жизнь в театре» по пьесе Дэвида Мемита в Театре-студии Табакова, где Мария Владимировна Миронова играет одну из главных ролей с молодой актрисой Галиной Чудиловой.

Фото Д. ХРУПОВА.